

ШАРЛОТТА ПЕРКИНС ГИЛМАН

ЖЁЛТЫЕ ОБОИ

Шарлотта Перкинс Гилман

Жёлтые обои

«Автор»

2026

Перкинс Гилман Ш.

Жёлтые обои / Ш. Перкинс Гилман — «Автор», 2026

Рассказ Шарлотты Перкинс Гилман «Жёлтые обои» (1892) — классика американской психологической прозы и литературный манифест против патриархальной медицины. Молодая женщина, страдающая от послеродовой депрессии, заперта мужем-врачом в уединённом поместье: строгий режим, запрет на письмо, полная изоляция. Её дневник — глоток свободы — становится дневником распада. Жёлтые обои в спальне с их бессмысленным узором превращаются в одержимость, а затем — в зеркало заточения. Гилман мастерски строит повествование на контрасте: ровный язык первых страниц сменяется рваным ритмом кульминации, где синтаксис дробится вместе с рассудком героини. Это история о том, как «забота» душит личность, как отсутствие права на голос сводит с ума и как единственный путь к свободе — через безумие. Более ста лет спустя рассказ не утратил остроты, напоминая, что границы свободы определяем не мы, а те, кто нас «любит». В новом переводе текст звучит как оригинальная русская проза — живая и пугающе актуальная.

© Перкинс Гилман Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

К читателю	5
ЖЁЛТЫЕ ОБОИ	7
Шарлотта Перкинс Гилман	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Шарлотта Перкинс Гилман

Жёлтые обои

К читателю

Перед вами — одно из самых пронзительных и жутких произведений американской литературы конца XIX века. Рассказ «Жёлтые обои» (The Yellow Wallpaper) Шарлотты Перкинс Гилман впервые вышел в январе 1892 года в журнале The New England Magazine и вот уже больше века не даёт покоя читателям. И неудивительно: перед нами не просто психологическая новелла, а почти документальная хроника того, как рассудок женщины рушится стараниями любящих родственников и передовой на тот момент медицины.

Автор этого текста — фигура во всех отношениях незаурядная. Шарлотта Перкинс Гилман (1860–1935) была не только писательницей, но и социологом, лектором, одной из ключевых фигур первой волны феминизма и социальным реформатором. Она отстаивала экономическую независимость женщин и требовала пересмотра традиционных семейных ролей — и делала это в эпоху, когда подобные взгляды считались, мягко говоря, эксцентричными. Отец оставил семью, когда Шарлотте было всего несколько лет, детство прошло в бедности и бесконечных переездах — и этот опыт во многом определил её непримиримое отношение к патриархальному укладу.

Но по-настоящему рассказ «Жёлтые обои» превращает в литературный манифест личная история самой Гилман. В 1880-х годах, вскоре после рождения дочери, она пережила тяжёлый послеродовой психоз. Лечил её известный врач Сайлас Уэйр Митчелл — создатель так называемого «метода покоя»: терапии, которая предписывала пациенткам полную физическую и умственную неподвижность, усиленное питание и абсолютный запрет на любую творческую или интеллектуальную работу. Позже Гилман вспоминала, что это лечение едва не свело её с ума окончательно.

Рассказ она написала всего за два дня — 6 и 7 июня 1890 года, — и он стал формой литературного протеста. Гилман хотела показать, к чему на самом деле приводит «забота» о женщине, которой запрещают думать, писать и вообще оставаться собой. Экземпляр она отправила своему бывшему врачу Митчеллу — и, по слухам, тот после прочтения изменил метод лечения. Так маленький рассказ добился того, чего не смогли добиться многие медицинские трактаты.

В чём же секрет его силы? Форма — дневниковые записи, которые героиня ведёт тайком от мужа, — создаёт эффект абсолютного доверия. Мы слышим голос женщины, которая постепенно теряет себя, и в каждом её слове — ужас узнавания. Гилман виртуозно использует язык, чтобы передать распад сознания: от ровной, почти клинической интонации первых страниц — к лихорадочному, рваному бреду финала, где вместе с личностью героини рушится и синтаксис. Именно через форму рождается главный смысл: безумие оказывается не болезнью, а единственно возможным способом вырваться из клетки, в которую героиню заперли.

Для современного русского читателя «Жёлтые обои» — это не просто исторический документ или феминистский манифест. Это универсальная история о границах свободы, о цене молчания и о том, как любовь и забота способны обернуться тюрьмой, если не уважают личность. За сто с лишним лет рассказ не устарел — напротив, стал только острее.

Мы представляем вам этот текст в новом литературном переводе, максимально приближенном к авторскому замыслу. Редактура была нацелена на то, чтобы русский текст звучал как оригинальная проза — живая и естественная, — но при этом сохранял ту самую пульсирую-

щую ритмическую дугу безумия, которую заложила Гилман. Приятного — и мучительного — чтения.

ЖЁЛТЫЕ ОБОИ

Шарлотта Перкинс Гилман

Мы сняли этот дом на лето — редко такое счастье выпадает простым смертным вроде меня и Джона. Колониальный особняк, семейное гнездо... я бы даже сказала — дом с привидениями, и это было бы верхом романтического блаженства. Но требовать от судьбы сразу и того, и другого — это уже слишком!

И всё же я упрямо стою на своём: в этом доме есть что-то странное. Иначе почему его сдают так дешево? И почему он столько лет простоял пустым?

Джон, конечно, смеётся надо мной — но в браке к этому привыкаешь. Джон насквозь практичен. Он не выносит веры, суеверия его откровенно раздражают, и он открыто издевается над всем, что нельзя пощупать, увидеть или выразить числом.

Джон — врач, и, возможно... (я, конечно, никому из живых в этом не признаюсь, но бумага всё стерпит, а на душе становится легче) — возможно, именно поэтому я не поправляюсь. Понимаете, он попросту не верит, что я больна!

И что тут поделать? Если уважаемый врач — притом твой собственный муж — уверяет родных и знакомых, что с тобой, в сущности, ничего серьёзного, лишь временное нервное расстройство, лёгкая склонность к истерии, — разве с этим поспоришь?

Мой брат тоже врач, и тоже весьма уважаемый, и говорит ровно то же самое.

Так что я принимаю какие-то фосфаты или фосфиты — уже не помню, что именно, — пью тоники, гуляю, дышу воздухом, делаю гимнастику, и мне строго-настрого запрещено «работать», пока я не поправлюсь.

Лично я с этим не согласна. Я убеждена: интересная работа, полная волнения и перемен, пошла бы мне только на пользу.

Но что поделать?

Некоторое время я всё же писала — назло всем; но это отнимает слишком много сил: приходится так таиться, что вечно натыкаешься на яростное сопротивление.

Иногда мне кажется: будь у меня поменьше противодействия и побольше общества и живых впечатлений, мне стало бы легче... но Джон говорит, что худшее, что я могу сделать, — это думать о своём состоянии, и, признаюсь, от таких мыслей мне всегда становится хуже.

Так что оставляю это и лучше расскажу про дом.

Чудеснейшее место! Стоит совсем одиноко, вдали от дороги, почти в трёх милях от деревни. Напоминает мне английские поместья из книг — с живыми изгородями, каменными стенами, запертыми калитками и целой россыпью отдельных домиков для садовников и прислуги.

А какой здесь сад! Я в жизни не видела ничего подобного — огромный, тенистый, с дорожками, обсаженными самшитом, и длинными увитыми виноградом беседками со скамьями внутри.

Были когда-то и оранжереи — теперь от них остались одни развалины.

Кажется, там были какие-то тяжбы, что-то насчёт наследников и сонаследников; так или иначе, поместье годами простояло пустым.

Боюсь, это портит мою историю о привидениях — но мне всё равно: в доме определённо есть что-то странное, я это чувствую.

Я даже сказ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.